

ВРЕМЯ В СОНЕТАХ СТАНИСЛАВА ЗОЛОТЦЕВА

Сонет искушал и продолжает искушать стихотворцев. Почти каждый пишущий обращается время от времени к этому изысканному виду поэзии. На мой взгляд, наиболее искусным и последовательным сонетистом среди русских поэтов, рождённых в послевоенные годы, был и остаётся Станислав Золотцев. Вот какими словами сам поэт выразил своё отношение к сонету и объяснил причину приверженности этому жанру:

- **Сонет** – самая излюбленная для меня из всех форм стихотворчества. Я захвачен был ею ещё в самые юные свои годы, в начале литературного пути. Впрочем, как и положено начинающему, какие только образцы строфики и архитектоники стиха не перепробовал тогда, в шестидесятые-семидесятые. Но из всего этого моря стиховой филиграни единственно ж и в о й (по крайней мере, естественной для моего голоса) формой остался сонет. Он – всевластен. Ведь его имя происходит от итальянского глагола «звенеть». А музыка русской поэзии насквозь колокольна: в ней – и набат, и благовест, и свадебные бубенцы, и валдайские медные певчие птицы, и «звонки» в прежних школах. И шедевры гончаров, и крохотные колокольчики в украшениях женщин нашего Севера... А, главное, сонетом можно сказать в с ё ! Бывает: в его 14 строк умещаю то, что говорил в какой-либо поэме, написанной в молодости...

Наверное, лучше о сонетах и не скажешь. И понятным становится, почему этот жанр тонкой поэзии отвечает Золотцеву взаимностью. Его сонеты по своей музыкальности, ёмкой лаконичности, глубине мысли и, что очень важно, соблюдению всех канонов поэтики этого жанра, могут успешно соперничать со многими, созданными даже на родине классического сонета. Однако, как и многие современники, Золотцев в большинстве случаев отдаёт предпочтение шекспировской архитектонике сонета и, как мне кажется, испытывает на себе значительное влияние непревзойдённого мастера. Возможно, отчасти, это объясняется тем, что прекрасно владея английским языком, поэт не только впитывал музыку шекспировских сонетов и переводил их на русский язык, но и создавал собственные сонеты на английском языке. Косвенным подтверждением этой мысли может послужить забавный случай, который произошёл в период работы над составлением билингвального сборника стихов Золотцева «Сады грядущих дней» в моём переводе на английский и русский языки. Я показала для одобрения Ольге Николаевне Золотцевой, его жене и редактору сборника, несколько моих переводов англоязычных сонетов поэта на русский язык, на что она воскликнула:

- А Вы уверены, что переводили Станислава, а не Шекспира?!

Но было бы ошибкой думать, что Золотцев слепо подражает английскому гению. Да, он часто обращается к излюбленным темам шекспировских сонетов - любви, человеку, природе, времени - но у русского поэта своя философия

восприятия этих категорий. Пожалуй, лишь трактовка любви и для английского и для русского поэтов остаётся старой, как мир, в предсказуемости любовных переживаний и их, порой благотворного, порой драматического, влияния на человека. А ещё Золотцеву удалось достигнуть необыкновенной музыкальности своих сонетов - почти, как у Шекспира.

Шекспир написал более 150 сонетов, Золотцев – около 100. Не все из них опубликованы, но и те, что стали доступными читателю, удивляют разнообразием тем. Шекспироведы, для удобства исследования и восприятия сонетов английского драматурга, сгруппировали их по темам, то же самое было бы интересно сделать и с сонетами Золотцева. Однако и без целенаправленного отбора становится очевидным тяготение поэта к размышлениям о времени. При этом поэт не впадает в избыточно отвлечённые рассуждения о космичности времени, его быстротечности, о его судьбоносном влиянии на человека и т.п. Для него время – то, что происходило и происходит с ним и его близкими, с его родиной – большой и малой, приятие или неприятие перемен. Создаётся впечатление, что Золотцев находится сам внутри этого времени, не как созерцатель, а как участник событий - «поэт-философ и поэт-бунтарь» в одном лице и в неразрывном единстве. Не в этом ли двуединстве заключается суть золотцевской философии времени, в том числе и в его сонетах? Не её ли, почти программно, декларирует поэт в сонете «Спор»?:

Поэт-философ и поэт-бунтарь
схлестнулись в споре. И промолвил первый:
«Зачем себе ты портишь кровь и нервы?
Ведь в мире всё останется как встарь.
Останутся и золото, и сталь
сильней ума и сердца». – «Нет, неверно, –
бунтарь вскричал, – я сей порядок свергну.
За правду мне и головы не жаль!»
Один стоит скалой. Другой – как море
вскипает. Но участник в этом споре –
всего один... Столетий и секунд
он не считает, весь – в своих вопросах...
Поэт-философ – это вечный бунт.
Поэт-бунтарь – неистовый философ.

Каждый, кто знал Золотцева достаточно близко, наверняка помнит поэта именно таким: то «стоящим скалой», то «вскипающим, как море». Уж он-то не принадлежал к числу поэтов, бесстрастно вззирающих на катаклизмы своего времени. Как человеку и как поэту, ему претило подстраиваться под неприемлемые для него нормы. Так сонеты, вышедшие из-под пера поэта в 90-е и, особенно, в последние годы уходящего столетия, смогли вместить в 14 строк невероятно острое ощущение поэтом состояния, в каком оказалась тогда

Россия, и для которого он нашёл ёмкую характеристику - ВРЕМЯ ПАДАЮЩИХ СТЕН:

Какое нынче время у России? –
Бывали пострашнее времена,
но никогда ни смуты, ни война
такую долю ей не приносили –
когда она неверием полна,
живя и в озлобленье, и в бессильи,
и всё переворочено до дна,
и связаны у птицы-тройки крылья...
Черна и всё чернее наша быль.
Изгоним ли удушливую гниль,
пока Чума не клюнула нас в темя,
и, продышавшись, встанем ли с колен?
И сотворим ли мы иное время,
идя сквозь время падающих стен?..

1994-1996

Подобная этой, нота трагического ощущения непростого для России конца 20 века времени появляется довольно часто в сонетическом творчестве писателя. Но если в предыдущем сонете, звучат уже знакомые нам голоса - «поэта-философа», задающего острые, как бритва, риторические вопросы и «поэта-бунтаря», называющего вещи своими именами, возможно, слишком нелицеприятными и реалистичными для языка сонетов, то в другом сонете, написанном в эти же годы, Золотцев озвучивает своё видение миссии поэта-гражданина, ответственного за историческую правду своего времени.

Я знаю: то, что я пишу сейчас –
всего лишь дневниковые страницы.
Лишь торопливый, сбивчивый рассказ
участника событий, очевидца.
В нём – ни метафор броских, ни прикрас,
и меж стихом и прозой нет границы.
Среди творений, радующих глаз
и слух, ему в веках не сохраниться...
Но и другое знаю: если вдруг
я брошу сей неблагодарный труд –
не ощутит, не разглядит потомок,
кем были мы, чем жили в эти дни,
какие обжигали нас огни,
кто созидатель был, а кто – подонок...

Но было бы однобоко и необъективно в оценке Золотцевым его времени видеть, перефразируя уже упомянутое двуединство, лишь философское

бунтарство или же бунтарскую философию. Оптимистический, жизнеутверждающий гуманизм присущ Золотцеву-поэту и человеку не в меньшей степени, чем тому же Шекспиру. Никто ещё не отменял радости любви, красоты природы, счастья просто жить, какими бы «окаянными» не были времена. И в этом ещё одна сторона золотцевской философии времени:

Я радуюсь тому, что просто жив,
что не исчез – хотя безмерно грешен,
что путь продолжил, крылья не сложив,
и – на прекрасной женщине помешан;
и что мой голос горек, да не лжив –
как сок берёз, как трели со скворешен...
А если сердце бьётся на разрыв,
так что же? – в мой последний миг утешен
тем буду я, что не сдалось оно,
когда тащила жизнь меня на дно,
любить и ликовать не отучилось...
Я – радуюсь, хоть в радости моей –
колючий привкус окаянных дней.
...Но и его приму, как Божью милость.

Временем Станислава Золотцева, родившегося в 1947 году, были и незабываемые послевоенные годы, ещё ощущавшие отзвуки минувшей войны. Тема жизни в те времена, трудной, но и счастливой, пронизывает всё его творчество - нашла она отражение и в нескольких сонетах поэта. В сонете, посвящённом Победе, поэт удивительно просто раскрывает понимание непрерывности жизни на земле, во имя которой погибали солдаты: «Но будут жить отцы, и мы, и отчий край, коль в сотый раз придёт на землю мирный май». Всего-то и надо – чтобы не было войны. Вот такая философия времени в этом сонете.

И сорок лет пройдут ещё, и шестьдесят...
И в сотый раз на землю хлынет май Победы!
И вновь слезами наши внуки оросят
над прахом прадедов зелёные побеги.
И слёзы внуков на мгновенье отразят
сполох судьбы, что никому из них не ведом.
Зима блокадная и керченский десант
к сердцам их двинутся по вековому следу.
И никого уже не будет из людей,
спасавших правнуков своих и всё живое!
И даже нас уже не будет, их детей,
взращённых верой и отвагой фронтовою...

Но будут жить отцы, и мы, и отчий край,

коль в сотый раз придёт на землю мирный май.

9 мая 1985 г.

Именно этим сонетом, я заканчиваю свой небольшой обзор лишь толики сонетического творчества Станислава Золотцева. Всего лишь пять его сонетов о времени из большого количества. Мой выбор пал именно на них, в соответствии с задачей, которая стояла передо мной: показать большое на малом материале. Показать, что порой о времени и о себе в нём можно сказать больше в четырнадцати строках сонета, чем в пространных мемуарах.

Татьяна Рыжова